

СЕРГЕЙ ЛОПОНОС

РОЖДЕНИЕ

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Сергей Лопанос

Рождение

<https://litres.ru/74376368>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рен погиб, спасая ребёнка из-под колёс грузовика. А затем проснулся в мире, которого не должно существовать.

Здесь всё кажется знакомым: улицы, дома, люди, дождь, свет в окнах. Но привычная реальность подчиняется странным правилам, а память Рена возвращается медленно, оставляя за собой больше вопросов, чем ответов.

Единственным человеком, которому он постепенно начинает доверять, становится Лира. Она тоже ищет ответы о себе и о мире, в котором оказалась. Вместе они обнаруживают следы чужого наблюдения и понимают, что окружающая действительность устроена совсем не так, как кажется.

Чем ближе они подходят к разгадке, тем труднее становится ответить на простой вопрос: если ты помнишь себя, способен выбирать и можешь ошибаться — достаточно ли этого, чтобы назвать себя человеком?

И что находится по ту сторону выхода?

Сергей Лопонос

Рождение

Глава 1. Смерть

Сначала был звук. Не крик, не удар, не визг тормозов — всё это пришло позже. Первым был низкий, нарастающий гул, который Рен почувствовал скорее телом, чем услышал ушами. Он пробирався сквозь подошвы, поднимался по ногам, отдавался где-то за рёбрами, словно сама земля предупреждала его о чём-то, чего он ещё не успел увидеть.

Рен шёл по тротуару и думал о совершенно посторонней вещи. О том, что вечером нужно купить хлеб. Самый обычный хлеб из магазина возле дома.

Ещё нужно было ответить на письмо от заказчика. Там опять прислали какую-то ерунду с формулировкой «срочно», хотя срочным оно не было. Рен почти физически представлял себе экран ноутбука, открытый вечером на кухне, и мысленно уже готовил ответ: сначала спокойно объяснить, почему предложенное ими решение не работает, потом приложить схему, а затем, если не поймут с первого раза, написать ещё раз.

Он усмехнулся. Почему люди всегда называли срочным то, что спокойно могло подождать до завтра? Ветер шевельнул волосы. День был обычным. Слишком обычным.

Серое небо висело над городом ровным, почти бесцвет-

ным полотном. После недавнего дождя асфальт потемнел, в небольших углублениях между плитами ещё блестела вода. Откуда-то тянуло мокрой листвой, бензином и горячим хлебом — неподалёку действительно была пекарня, и запах выпечки смешивался с выхлопными газами так причудливо, что Рен каждый раз удивлялся: каким образом эти два совершенно несовместимых запаха могут существовать рядом и при этом не уничтожать друг друга? Он шёл, сунув руки в карманы куртки. Телефон сегодня он не взял. Почему-то не взял. Позже эта мелочь будет возвращаться к нему отдельным, почти болезненным воспоминанием.

Но сейчас он просто шёл и вдруг увидел девочку. Сначала она была далеко, через дорогу. Невысокая, худенькая, в светлой куртке и с рюкзаком, который казался чуть больше неё самой. Она стояла у края тротуара, покачиваясь в такт музыке, и не отрывала взгляда от экрана смартфона. Она что-то читала. Улыбалась. Потом сделала шаг. Рен остановился. Не потому, что сразу понял, что происходит.

Просто в движении девочки было что-то неправильное. Она не посмотрела на дорогу. Не подняла головы. Сделала ещё шаг. И тогда Рен услышал тот самый гул.

Грузовик. Большой, тяжёлый, слишком близкий. Всё произошло одновременно. Кто-то закричал. Девочка продолжила идти.

Водитель ударил по тормозам. Раздался резкий, рвущий слух скрежет. Рен увидел перед собой огромное тёмное пят-

но кабины, отражение серого неба на лобовом стекле, белые блики фар, неподвижное лицо водителя. И вдруг мир стал удивительно медленным. Не потому, что время действительно замедлилось.

Просто мозг начал выхватывать детали одну за другой. Капля воды на металлическом борту грузовика. Чёрная резина переднего колеса. Красный отражатель. Белая полоса разметки.

Розовый чехол телефона в руке девочки. Её лицо. Совсем ещё детское. Она всё ещё смотрела вниз. Рен понял. Он не успеет крикнуть. Не успеет предупредить. Не успеет сделать ничего правильного. Он сделал единственное, что успел.

Толкнул её. Сначала ладонью в плечо. Потом всем телом. Девочка неожиданно легко подалась вперёд, потеряла равновесие и рухнула на мокрый асфальт. Рен успел увидеть, как её телефон вылетел из руки и проскользил по дороге, вращаясь на гладком стекле.

А затем грузовик оказался перед ним. Удар был коротким. Почти беззвучным. Мир просто исчез.

• • •

Боль пришла позже. Сначала была пустота. Затем — свет. Потом запах. Резкий, металлический, тяжёлый.

Рен попытался вдохнуть и понял, что не может. Он хотел открыть глаза, но веки словно стали чужими. Где-то далеко кто-то кричал:

— Вызовите скорую!

Другой голос повторял:

— Девочка жива! Девочка жива!

Эти слова почему-то показались Рену важнее всего остального. Жива. Значит, получилось. Он попытался улыбнуться. Не получилось.

Он хотел сказать, что всё нормально. Хотел сказать, чтобы кто-нибудь посмотрел на девочку, чтобы убедились, что она дышит. Но губы не слушались. Шум вокруг постепенно становился тише. Не исчезал — отдалялся.

Словно Рен лежал на дне глубокого бассейна, а поверхность воды медленно поднималась между ним и окружающим миром. Он чувствовал холод. Потом тепло. Потом снова холод. Кто-то держал его за руку.

Или ему только казалось.

— Слышите меня?

Рен хотел ответить. Не смог. Перед глазами вспыхнуло что-то белое. Он снова увидел девочку. Она сидела на асфальте.

Растерянная. Живая. Рядом лежал её телефон. Музыка всё ещё играла. Рен вдруг подумал, что это странно.

Телефон продолжал работать. После всего этого. Такая нелепая мысль. Потом он услышал ещё один звук. Писк.

Ровный. Монотонный. Писк. Писк. Писк.

Рен пытался зацепиться за него сознанием. Он уже не понимал, где находится. Ему казалось, что он лежит в больнице. Потом — что в машине. Потом — что просто лежит на

дороге.

Он больше не чувствовал собственного тела. И впервые за всё это время ему стало по-настоящему страшно. Не из-за боли. Из-за мысли, которая возникла совершенно ясно: я умираю. Он хотел открыть глаза. Хотел вдохнуть. Хотел вспомнить имя. Своё имя. Рен.

Да. Рен. Это был он. Рен. Двадцать пять лет.

Инженер. Работа. Квартира. Телефон. Вечер.

Хлеб. Он вдруг понял, что больше всего на свете хочет вернуться домой. Просто открыть дверь. Снять обувь. Бросить ключи на полку.

Увидеть знакомую комнату. Услышать шум холодильника. Почувствовать запах кофе. Он никогда раньше не думал, насколько дорогими могут быть такие вещи. Обычные.

Совершенно незаметные, пока они есть. Ему хотелось жить. Это было первое настоящее желание, которое он почувствовал за последние минуты. Не великие планы. Не мечты.

Не желание изменить мир. Просто жить. Просто ещё один вечер. Ещё один завтрак. Ещё один понедельник.

Ещё одна бессмысленная рабочая переписка. Ещё один раздражённый звонок. Ещё один дождливый день. Ещё один хлеб из той самой пекарни. Он попытался вдохнуть.

Воздух не пришёл. Писк стал реже. И вдруг где-то совсем рядом прозвучал голос:

— Мы его теряем.

Рен хотел сказать: Нет. Но не сказал. Потому что уже не мог.

• • •

Тьма не была чёрной. Это Рен понял позже. Если вообще можно было сказать, что он что-то понял. Тьма была не цветом. Она была отсутствием всего.

Без боли, без холода, без веса, без звука, без тела.

Сначала он пытался думать. Потом перестал. Потом перестал понимать, что значит «думать». Последним исчезло ощущение времени. А затем исчез и сам Рен.

• • •

Где-то, где не было ни света, ни звука, ни пространства, осталась только одна вещь. Вопрос. Не сформулированный словами. Скорее ощущение, которое невозможно было назвать. Почему я всё ещё здесь?

Ответа не было. И не было самого «здесь». Только ожидание. Долгое. Невозможное.

Такое долгое, что само понятие длительности потеряло смысл.

• • •

Через некоторое время — если это вообще было время — Рену приснился дождь. Он стоял посреди улицы. Мокрый асфальт блестел под серым небом. Где-то рядом работал двигатель. Он слышал музыку.

Тонкую, почти неразличимую. И видел девочку. Она стояла на краю дороги и смотрела в телефон. Рен хотел крик-

нуть ей. Не смог.

Хотел побежать. Ноги не двигались. Грузовик приближался. Он снова почувствовал тот гул, который когда-то прошёл через подошвы и поднялся к сердцу. Рен дёрнулся.

И проснулся. Но проснуться оказалось некуда. Он снова оказался в темноте. И теперь не помнил, почему ему страшно.

• • •

Прошло ещё очень много времени. Рен не знал сколько. Он вообще ничего не знал. Иногда ему казалось, что он спит. Иногда — что уже умер.

Иногда возникало странное ощущение, будто кто-то находится рядом. Не голос, не шаги, не движение воздуха — скорее присутствие. Оно не говорило. Не приказывало. Не спрашивало. Просто было. И однажды Рену показалось, что в этой бесконечной темноте появился свет. Сначала едва заметный.

Тонкая линия. Потом точка. Потом пространство. Он попытался открыть глаза. И впервые за очень долгое время почувствовал собственное тело.

Но тело оказалось неправильным. Он не чувствовал пальцев. Не чувствовал ног. Не чувствовал груди. Не чувствовал дыхания.

Только сознание. Только себя. И тогда, ещё не понимая, где находится, Рен услышал звук. Очень тихий. Ровный.

Почти такой же, как пятьсот с лишним лет назад. Писк.

Писк. Писк. Он попытался вспомнить, что означает этот звук.

В памяти вспыхнуло мокрое стекло. Колесо. Детский голос. Розовый телефон. И грузовик.

Рен почувствовал ужас. Но прежде чем воспоминание успело сложиться в целое, оно снова рассыпалось. Остался только один вопрос. Кого я тогда спас? И где-то за пределами его ещё не открывшегося сознания что-то ответило.

Не словами. Просто включилось.

Глава 2. Пробуждение

Первым Рен почувствовал холод. Не тот резкий холод, который заставляет человека съёжиться и втянуть голову в воротник, а мягкий, почти невесомый, проникающий постепенно, словно воздух вокруг был прохладной водой, а тело лежало на самом её дне. Холод касался лица, скользил по шее, забирался под одежду и заставлял мышцы едва заметно сокращаться. Рен долго не мог понять, что именно он чувствует. Потом пришло ощущение земли.

Твёрдой, неровной, чуть влажной. Он лежал на боку, прижавшись щекой к чему-то холодному. Под ладонью ощущалась шероховатая поверхность, состоящая из мелких камешков и коротких стеблей травы. Где-то возле уха шуршало что-то живое, а над головой двигался ветер, перебирая листву. Рен не открывал глаз. Ему было страшно. Не потому, что он увидел что-то опасное. Напротив, вокруг пока не было ничего, что могло бы представлять непосредственную угрозу.

Страх возник раньше зрения, раньше мысли, раньше осознания собственного тела, словно сознание успело понять происходящее раньше, чем разум.

Он жив. Эта мысль пришла первой. И вскоре за ней возникла другая. Нет. Рен попытался вспомнить, почему это невозможно.

Память не ответила. Он напрягся, пытаясь восстановить последние секунды. В голове возникла мутная вспышка, похожая на отражение света на воде, но стоило ему попытаться удержать её, как она рассыпалась. Он увидел серое небо. Потом что-то большое и тёмное. Потом услышал звук, который невозможно было забыть, хотя он не мог объяснить, откуда знает, что этот звук должен быть ему знаком.

Рен вздрогнул и открыл глаза. Над ним было небо. Первое мгновение он просто смотрел. Небо казалось неправильным. Не потому, что оно имело какой-то необычный цвет или форму. Наоборот, оно было удивительно обычным: глубокая голубизна между разорванными облаками, мягкий свет, который ложился на землю, едва заметные серебристые края облаков. Ветер гнал их куда-то вдаль, и сквозь просветы между ними пробивались солнечные лучи.

Рен смотрел на это несколько секунд, не в силах понять, почему именно небо кажется ему самым странным из всего увиденного. Потом пришла мысль: Я умер. Он закрыл глаза. Память снова дрогнула. На этот раз ярче. Грузовик. Мокрый асфальт. Девочка. Телефон.

Он резко вдохнул и приподнялся на локте. Воздух вошёл в лёгкие легко и глубоко. Рен замер. Он снова вдохнул, теперь уже сознательно, словно проверял механизм, который только что запустился после долгого простоя. Воздух был прохладным, чистым, с лёгким запахом влажной земли и чего-то терпкого, растительного. Вдох получился таким естественным, что от этого стало ещё страшнее. Он опустил взгляд на грудь.

Она поднималась. Медленно. Ровно. Рен провёл рукой по лицу, затем по шее, груди, животу, ногам. Пальцы слушались. Мышцы отзывались на движение. Ничего не болело. Он осторожно сел.

Мир качнулся. Рен тут же упёрся ладонью в землю и переждал приступ головокружения. В ушах на несколько секунд появился глухой шум, будто кровь вдруг стала слишком громкой.

— Спокойно, — произнёс он.

Собственный голос заставил его вздрогнуть. Он давно не слышал его. Или ему казалось, что давно. Рен провёл ладонью по горлу и тихо повторил:

— Спокойно.

Голос был хриплым, но узнаваемым. Он посмотрел на руки. Обычные руки. Пальцы, ногти, кожа, мелкие складки на костяшках. На правой ладони осталась небольшая царапина, в которой уже подсыхала тонкая полоска крови. Рен осторожно коснулся её.

Боль была настоящей. И это почему-то успокоило его сильнее всего: боль принадлежала телу, а значит, тело принадлежало ему. Если боль настоящая, значит, настоящее и тело. Если тело настоящее... Он не закончил мысль.

Пока не смог. Рен поднялся. На этот раз медленнее. Колени слегка дрогнули, но выдержали. Он сделал шаг, второй, затем остановился, прислушиваясь к себе. Никакой слабости, которую он ожидал бы после тяжёлой травмы, не было. Не было даже обычной ломоты после долгого сна. Только странное ощущение, будто тело принадлежало ему, но он слишком долго им не пользовался.

Рен нахмурился. Эта мысль показалась ему нелепой. Слишком долго. Сколько? Он попытался вспомнить.

И снова получил только обрывок. Серое небо. Колесо. Детский голос. Потом темнота.

Рен закрыл глаза. Внутри что-то сопротивлялось. Не боль. Не страх. Словно память была дверью, которую он пытался открыть, но за ней кто-то держал ручку с другой стороны.

Он потянул сильнее. И вдруг услышал писк. Ровный, далёкий, повторяющийся через одинаковые промежутки. Писк. Пауза.

Писк. Пауза. Рен резко обернулся. Позади никого не было. Только трава, низкие кусты и несколько высоких деревьев, стоявших чуть дальше. Между их стволами лежали длинные полосы солнечного света.

Писк исчез. Рен долго всматривался в лес.

— Показалось...

Он хотел произнести это уверенно, но голос получился неубедительным. Рен снова посмотрел на себя. На нём была одежда. Он узнал её не сразу. Тёмные брюки, футболка, лёгкая куртка. Всё выглядело почти так, как должно было выглядеть в день его смерти. Почти.

Рен провёл пальцами по ткани куртки и почувствовал странное недоумение. Почему она не порвана? Почему на ней нет следов удара? Почему нет крови? Он ощупал грудь, плечо, бок.

Ничего. Он помнил удар. Нет, не сам удар — ощущение приближающегося грузовика, движение тела, момент, когда он толкнул девочку. Дальше память обрывалась. Рен медленно опустил руки.

— Я должен был умереть.

Слова прозвучали настолько просто, что на несколько секунд повисли в воздухе. Он посмотрел вокруг. Никто не ответил. Только ветер прошёл по траве, заставляя зелёную поверхность дрогнуть от края до края. Где-то далеко вскрикнула птица, и через мгновение ей ответила другая. Птица.

Рен прислушался. Звук был совершенно обычным. И всё же от него по спине прошёл холод. Он не понимал почему. Рен сделал несколько шагов.

Место, где он оказался, напоминало небольшую поляну. Земля постепенно поднималась в одну сторону, а дальше начинался лес. Деревья были незнакомыми, но не настолько,

чтобы казаться фантастическими. Высокие стволы, широкие листья, переплетённые ветви. Некоторые растения он мог бы принять за вполне обычные земные виды, если бы не странное ощущение, будто что-то в их форме постоянно ускользает от узнавания. Рен посмотрел вверх.

Солнце находилось достаточно высоко. Тень от дерева падала под углом примерно сорок градусов. Он машинально прикинул время. Инженерная привычка. Оценить обстановку.

Понять, где север. Определить направление движения солнца. Собрать исходные данные. Рен сам себе усмехнулся. Даже сейчас.

Даже после смерти. Он попытался найти знакомые ориентиры. Не нашёл. Повернулся. Снова посмотрел на лес.

Ни дороги. Ни домов. Ни проводов. Ни машин. Ни звука города.

Только ветер, листья, птицы и едва слышное движение чего-то в высокой траве. Он достал телефон. Пальцы сделали это автоматически. Телефон оказался в кармане. Рен замер, увидев знакомый прямоугольник в своей руке.

На секунду ему стало легче. Это было почти смешно. Он умер, проснулся неизвестно где, понятия не имеет, существует ли вообще мир за пределами этой поляны, но при виде собственного смартфона почувствовал неожиданное облегчение.

— Ну хоть ты со мной.

Он нажал кнопку. Экран загорелся. Рен невольно улыбнулся. Потом улыбка исчезла. На экране не было сети.

Это он ожидал. Но дата... Рен нахмурился. Он несколько секунд смотрел на цифры, пытаясь понять, правильно ли их видит. Провёл пальцем по экрану.

Проверил настройки. Снова посмотрел. Дата не совпадала с той, которую он помнил. Совсем. Он попытался вспомнить день своей смерти.

Не получилось. Точнее, получилось частично. Он помнил погоду. Помнил дорогу. Помнил девочку.

Помнил грузовик. Но число исчезло. Месяц тоже. Год... Рен закрыл глаза.

Память снова попыталась выдать ему ответ и снова отступила. Он открыл галерею. Фотографии загрузились. На экране появились лица, улицы, знакомые комнаты, какие-то документы, случайные снимки, сделанные когда-то для работы. Рен листал их медленно.

Каждая фотография казалась одновременно близкой и чужой. Вот он сам. Вот коллега. Вот какая-то поездка. Вот чашка кофе на рабочем столе.

Вот фотография, которую он сделал совершенно без причины. Он смотрел на экран и понимал, что знает всех этих людей, знает места, узнаёт предметы, но между фотографиями и собственной памятью словно лежал слой мутного стекла. Рен остановился. Он не помнил, когда сделал этот снимок. Провёл пальцем дальше.

Ещё фотография. Ещё. Всё было знакомым. И всё почему-то казалось очень далёким. Он опустил телефон.

— Что со мной произошло?

Ответа не было. Рен сел на землю. На этот раз он не пытался сразу подняться. В голове возникла простая, почти успокаивающая версия: возможно, это больница. Возможно, после аварии его подключили к аппаратуре, а теперь он каким-то образом оказался снаружи. Возможно, он всё ещё не до конца пришёл в себя и часть происходящего является галлюцинацией. Версия была плохой.

Но она была человеческой. А значит, за неё можно было держаться. Он начал проверять её. Если больница, должны быть люди. Если больница, должно быть здание.

Если он находится на территории какого-то медицинского комплекса, рядом должны быть дороги, техника, электричество. Ничего этого не было. Рен посмотрел на телефон. Сеть отсутствовала. Он включил камеру.

На экране появилось его лицо. Рен задержал дыхание. Он выглядел моложе, чем ожидал. Не просто здоровее после аварии — моложе. Он приблизил изображение.

Кожа была чистой, глаза ясными, никаких следов травмы. Он провёл пальцами по щеке. На экране повторилось то же движение.

— Хорошо...

Рен замолчал. Он не знал, что именно хотел сказать. Внутри медленно поднималась паника. Не резкая, не истериче-

ская. Гораздо хуже. Холодная.

Рациональная. Та, которая заставляет человека последовательно перебирать невозможные варианты и один за другим обнаруживать, что ни один из них не подходит. Он умер. Это было главным фактом. Он помнил, что умирал.

Он помнил страх. Помнил, что не мог вдохнуть. Помнил голос, сказавший: «Мы его теряем». А теперь он сидел на траве, держал в руках телефон и смотрел на собственное живое лицо. Рен попытался найти объяснение.

Кома. Галлюцинация. Экспериментальная медицина. Крионика. Он даже вспомнил фантастические фильмы, в которых людей возвращали к жизни.

Но всё это звучало слишком нелепо. Если он был в коме, почему вокруг лес? Если его спасли, почему никто не сообщил ему об этом? Если это эксперимент, зачем оставлять его одного? Если он действительно умер...

Рен остановился. Не надо. Он не хотел заканчивать эту мысль. Ветер снова прошёл по поляне. На этот раз вместе с ним пришёл запах.

Сладковатый, цветочный, немного пряный. Рен поднял голову. В нескольких шагах от него рос куст с маленькими белыми цветами. Он подошёл ближе, наклонился и осторожно понюхал. Запах был приятным. Настоящим.

Он коснулся одного лепестка. Тот оказался тёплым от солнца. Рен вдруг почувствовал почти детское удивление. Мир был слишком настоящим. Не похожим на сон.

Сон мог быть ярким, подробным, почти физическим, но здесь всё имело сопротивление. Земля под ногами. Влажность воздуха. Шероховатость коры. Тепло солнца на коже.

Запах цветов. Ветер. Звуки леса. Он стоял посреди этого мира и постепенно понимал, что проблема была не в том, что происходящее казалось нереальным. Проблема была в том, что оно казалось слишком реальным.

Рен поднял голову. Между ветвями мелькнула птица. Он проследил за ней взглядом, пока она не исчезла за деревьями. Затем посмотрел на телефон. Экран погас.

В чёрном стекле снова отразилось его лицо. Рен несколько секунд смотрел на отражение, а потом тихо сказал:

— Ладно.

Он убрал телефон в карман.

— Допустим, я жив.

Фраза была произнесена скорее для самого себя.

— Тогда следующий вопрос...

Он оглянулся.

— Где я?

Впервые за всё время ему стало немного легче. Не потому, что появилась надежда. Просто у него появилась задача. А задача была понятной. Найти людей.

Найти дорогу. Понять, что произошло. И вернуться домой. Рен сделал шаг к краю поляны. Потом ещё один.

Он не знал, что дома, к которому он собирался вернуться, больше не существует. Не знал, сколько времени прошло

с того момента, когда он в последний раз слышал человеческую речь. Не знал, что мир, который он помнил, уже давно стал прошлым. Не знал даже, что его память сейчас защищает его от знания, которое человеческий разум едва ли смог бы принять сразу. Для него существовало только настоящее.

Лес. Солнце. Ветер. И дорога, которой пока не было видно. Рен пошёл вперёд.

Глава 3. Новый мир

К полудню Рен уже понял, что идти по лесу без цели — занятие гораздо менее романтическое, чем это обычно показывают в кино. Первые полчаса он ещё сохранял остатки оптимизма. Лес был красив, воздух чист, солнце пробивалось сквозь кроны широкими золотистыми пятнами, а под ногами пружинил мох, так что шаги почти не слышались. Время от времени между деревьями мелькали птицы, где-то далеко журчала вода. Всё это создавало почти идиллическое впечатление, и Рен поймал себя на том, что начинает успокаиваться.

Потом он понял, что совершенно не представляет, куда идёт. Он остановился, посмотрел назад и обнаружил, что уже не сможет найти место, где проснулся. Это открытие его не напугало, но заставило стать внимательнее. Рен огляделся. Деревья здесь росли достаточно густо, однако лес не казался непроходимым. Между стволами оставались широкие промежутки, заросшие травой и низкими кустарниками. В некоторых местах земля была покрыта опавшими листьями, в

других виднелись серые камни, выступавшие из почвы. Следов человека он пока не заметил.

Следов животных тоже почти не было. Вот это уже казалось странным. Он присел возле влажного участка земли и внимательно посмотрел на поверхность. Если здесь есть крупные животные, рассуждал он, должны оставаться следы: примятая трава, отпечатки лап, сломанные ветки, помёт, какие-нибудь остатки пищи. Лес выглядел живым, но присутствие этой жизни почему-то ощущалось только по звукам. Рен поднялся и пошёл дальше. Через некоторое время он услышал воду.

Сначала едва различимый шелест, затем всё более отчётливое журчание. Деревья расступились, и перед ним появился небольшой ручей. Вода была прозрачной настолько, что он видел камни на дне и небольших серебристых существ, мелькавших между ними. Рен опустился на колени и зачерпнул воду ладонью. Остановился. Секунду смотрел на неё. Потом осторожно поднёс к губам.

Вода оказалась холодной, с лёгким сладковатым привкусом. Он выпил ещё.

— Ну хотя бы это работает, — пробормотал он.

Слова прозвучали совершенно неуместно в лесной тишине. Рен посмотрел на воду. Работает. Он сам не заметил, как снова начал мыслить привычными категориями. Проверить. Сравнить. Сделать вывод. Проверить вывод. Так было проще.

Если происходящее невозможно объяснить сразу, нужно разделить проблему на части. Первая часть: он жив. Вторая: тело не имеет видимых последствий смертельной травмы. Третья: он находится неизвестно где. Четвёртая: телефон работает, но сети нет.

Пятая: окружающая среда выглядит естественной. Шестая... Рен посмотрел на ручей. Что-то блеснуло между камнями. Он наклонился ближе.

Рыба. По крайней мере, что-то очень похожее на рыбу. Существо было размером с ладонь, серебристое, с длинным гибким телом. Оно резко метнулось в сторону, и на мгновение Рен увидел под его жабрами слабое голубоватое свечение. Он замер. Рыба скрылась под камнем.

Рен ещё некоторое время смотрел туда, где она исчезла.

— Ладно.

Он выпрямился.

— Это уже интереснее.

...

Он нашёл дорогу ближе к вечеру. Сначала увидел примятую траву, затем несколько следов от колёс, а вскоре вышел на широкую грунтовую дорогу. Она была настолько хорошо укатана, что сомнений не оставалось: по ней регулярно ездили. Рен почувствовал настоящее облегчение. Люди. Если существует дорога, значит, где-то должны быть люди.

Он пошёл по ней. Через несколько километров лес начал редеть. Между деревьями стали появляться поля, небольшие

деревянные постройки и ограждения. На горизонте поднимались крыши домов. Рен замедлил шаг. Картина была настолько непривычной, что он несколько секунд просто стоял и смотрел. Никаких высотных зданий.

Никаких линий электропередачи. Никаких автомобилей. Никакого асфальта. Перед ним лежала небольшая деревня. Дома были построены в основном из дерева и камня, крыши покрыты чем-то похожим на черепицу. Между ними проходила широкая улица, по которой ехали телеги. Несколько человек работали возле огородов, дети бегали между домами, а над всем этим поднимался тонкий дым.

Рен почувствовал такое сильное облегчение, что едва не рассмеялся. Люди. Настоящие люди. Он долго стоял на краю поля и смотрел на них. Мир оказался не пустым.

Это было самым важным. Рен вышел из леса. Первым его заметил мальчик лет десяти. Он остановился, поднял голову и несколько секунд смотрел на незнакомца. Потом что-то крикнул. На него обернулись другие.

Рен остановился. Несколько человек вышли навстречу. Он ожидал чего угодно: страха, настороженности, вопросов. Но лица людей были совершенно спокойными. Один мужчина, высокий, широкоплечий, в простой серой рубаше, остановился в нескольких шагах.

— Ты заблудился?

Рен почувствовал такое облегчение от человеческой речи, что чуть не ответил слишком быстро.

— Да.

Он сглотнул.

— Кажется, очень сильно.

Мужчина улыбнулся.

— Это видно.

Рен тоже улыбнулся. Обычная реакция. Обычный разговор. Всё постепенно возвращалось в нормальные рамки. Почти.

— Как называется это место? — спросил он.

Мужчина посмотрел на него с лёгким удивлением.

— Деревня Вейр.

Рен кивнул. Название ничего ему не сказало.

— А где это?

Теперь удивление стало заметнее.

— Вейр?

— Нет. Я имею в виду...

Рен оглянулся на лес.

— Где находится ближайший город?

Мужчина назвал какое-то слово. Рен не понял. Он повторил. Мужчина повторил медленнее. Язык был похож на русский только настолько, чтобы отдельные звуки казались знакомыми, но структура фразы отличалась. Однако смысл каким-то образом доходил.

Рен нахмурился. Он не знал этого языка. Но понимал его. Это было первое действительно странное обстоятельство, которое он не смог объяснить.

— Вы меня понимаете? — спросил он.

— Конечно.

— А я вас?

Мужчина рассмеялся.

— Пока вроде да.

Рен тоже усмехнулся. Разговор продолжился. Он узнал, что деревня называется Вейр, что неподалёку находится большой город, что сейчас конец тёплого сезона, а до ближайшего поселения несколько часов пешком. Всё было удивительно обыденным. И от этого Рену становилось легче.

Ему дали воду и еду. Он впервые за долгое время почувствовал настоящий голод и обнаружил, что может есть. Хлеб оказался плотным, чуть кисловатым, с грубой корочкой. Сыр был солоноватым, а тушёные овощи пахли травами и дымом. Рен ел медленно, почти с удовольствием. Он вдруг понял, что не помнит, когда последний раз ел. Не вчера.

Не неделю назад. Он вообще не мог назвать дату. Это беспокоило. Но рядом сидели люди, вокруг стояли дома, в печи потрескивали дрова, за окном шумел вечерний ветер, и на какое-то время Рен решил не думать о невозможном. Потом он увидел свет.

На соседней улице мальчик поднял руку. В воздухе перед его ладонью вспыхнул небольшой золотистый шар. Он был размером с яблоко и светился мягким тёплым светом. Мальчик что-то сказал. Шар поднялся выше, завис над его головой, а затем медленно погас.

Рен перестал жевать.

— Что это было?

Мужчина напротив посмотрел на него.

— Свет.

— Я вижу, что свет.

Рен поставил хлеб на стол.

— Я спрашиваю, как он это сделал.

Мужчина пожал плечами.

— Магией.

Рен молчал.

— Ты не умеешь?

— Нет.

— Тогда научишься.

Сказано это было настолько спокойно, будто речь шла о чтении или езде на велосипеде. Рен посмотрел в окно. Мальчик уже снова играл с другими детьми. Никакого удивления. Никакого страха.

Для этих людей свет, возникающий из пустого воздуха, был такой же обычной частью жизни, как огонь в печи. Рен медленно выдохнул.

— Магия...

Он произнёс слово почти шёпотом. И вдруг внутри что-то щёлкнуло. Не воспоминание. Скорее ассоциация. Он представил лабораторию.

Компьютер. Формулы. Поля. Энергию. И собственный голос: «Если мы не понимаем принцип, это ещё не значит, что

принципа нет». Образ исчез так быстро, что Рен не успел его удержать. Он нахмурился.

— Всё нормально?

— Да.

Рен посмотрел на мужчину.

— Просто пытаюсь понять.

Тот улыбнулся.

— Тогда ты здесь быстро освоишься.

• • •

На следующий день Рен впервые увидел город. Он шёл по дороге вместе с людьми из деревни и всё больше убеждался, что оказался в мире, который невозможно было спутать с его собственным. Телеги, лошади, каменные стены, кузницы, лавки, деревянные вывески. Люди одевались просто, но одежда была разнообразной. Кто-то носил плащи, кто-то кожаные куртки, женщины — длинные платья и юбки. На улицах пахло дымом, свежим хлебом, лошадьми, жареным мясом и пряностями.

Рен ловил запахи один за другим, словно сознание пыталось убедиться, что всё это действительно существует. Город шумел. Кто-то торговался. Кто-то ругался. Дети носились по улице.

Кузнец бил молотом по раскалённому металлу, и каждый удар отдавался в каменных стенах. Рен чувствовал себя человеком, который случайно попал внутрь исторического фильма. Только фильм был слишком настоящим. Он остановился

возле кузницы. Наблюдая за работой мастера, Рен заметил знакомую вещь: молот бил точно, с определённым ритмом. Кузнец не тратил лишних движений, каждый удар приходился туда, куда нужно.

Рен невольно улыбнулся. Человеческая инженерная привычка существовала даже здесь. Он уже собирался идти дальше, когда услышал голос:

— Ты откуда?

Рен обернулся. Перед ним стоял молодой мужчина.

— Издалека.

— Это я вижу.

Он усмехнулся.

— Из какого города?

Рен открыл рот. И понял, что не знает, что ответить. Москва? Санкт-Петербург? Он почти произнёс первое слово, но остановился.

Зачем объяснять? Никто здесь не знает.

— Из места, которого здесь нет, — сказал он наконец.

Мужчина несколько секунд смотрел на него, потом пожал плечами.

— Бывает.

И ушёл. Рен остался стоять. Бывает. Он посмотрел ему вслед. Ответ показался странным.

Не потому, что мужчина поверил. А потому, что он совершенно не удивился.

• • •

К вечеру Рен уже составил первый список. Он нашёл кусок бумаги и карандаш, который ему дали в лавке. Сел у окна. На чистой странице написал: 1. Где я?

Подумал. Добавил: 2. Что произошло после аварии? Потом: 3. Почему я понимаю их язык?

4. Что такое магия? Он посмотрел на список и после короткого колебания написал: 5. Сколько времени прошло? Рен задержал карандаш над бумагой. Затем добавил:

6. Как вернуться домой? Он отложил карандаш. За окном уже темнело. На улицах зажигались светильники. Некоторые люди делали это руками.

Иногда вокруг ладони появлялось мягкое свечение, и через секунду фонарь начинал гореть. Рен наблюдал за этим долго. Всё происходило естественно. Слишком естественно. Никто не удивлялся.

Никто не объяснял. Никто не считал это чудом. Рен снова посмотрел на свой список. И добавил последний пункт: 7. Почему всё это кажется мне знакомым?

Он сам не знал, зачем написал эту фразу. Ведь ничего здесь не было знакомым. Ни город. Ни язык. Ни люди.

Ни магия. Ни мир. И всё же иногда, когда кто-нибудь проходил мимо него, Рен испытывал странное чувство узнавания, словно видел другое, а воспоминание о человеке. Он не мог объяснить, что это значит. Поэтому просто закрыл блокнот.

За окном ветер качал фонари, и их свет мягко скользил по

мокрой мостовой. Рен смотрел на этот незнакомый город и впервые позволил себе поверить в простую версию. Он действительно оказался в другом мире. Фантастическом. Невозможном.

Но всё-таки мире. Мире, где люди жили, торговались, растили детей, спорили, влюблялись, строили дома и спокойно зажигали свет ладонью. И если это было правдой, значит, где-то впереди обязательно существовал путь назад. Рен ещё не знал, что самое опасное заблуждение этой мысли заключалось не в том, что пути назад может не существовать. А в том, что слово «люди» он пока понимал слишком привычно.

Глава 4. Лира

Утро в городе начиналось задолго до того, как Рену удалось окончательно проснуться. Сначала его разбудил запах. В комнате было прохладно, но из соседнего помещения тянуло горячим хлебом, дымом и чем-то сладким, похожим на печёные яблоки. Затем слышались голоса, скрип тележных колёс, звон посуды и размеренный стук молотка где-то на улице. Город просыпался неторопливо, без будильников, гудков автомобилей и привычного гула электрических приборов.

Рен некоторое время лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок. Ему приснилась девочка. Он не помнил её лица, только светлую куртку и розовый телефон, скользящий по мокрому асфальту. В памяти оставалось странное чувство — не страх, а какая-то болезненная необходимость что-

то сделать. Он закрыл глаза, пытаясь вернуть сон. Ничего.

Только пустота. Рен сел на кровати. За последние сутки он привык к невозможному настолько, насколько человек вообще способен привыкнуть к невозможному. Вчера он считал себя умершим. Потом обнаружил, что жив. Затем оказался в неизвестном мире, увидел магию и познакомился с людьми, которые относились к ней так же спокойно, как он когда-то относился к электричеству. Сегодня ему предстояло выяснить хотя бы одну вещь наверняка.

Где он находится. Он умылся, спустился вниз и уже собирался спросить хозяина дома о городе, когда услышал за спиной женский голос:

— Ты Рен?

Он обернулся. Женщина стояла у окна. И первое, что он заметил, — её взгляд. Не одежду, не волосы, не лицо, хотя лицо было красивым. Взгляд. Она смотрела на него внимательно, но без настороженности, словно уже успела что-то о нём узнать и теперь проверяла, соответствует ли он полученной информации.

На ней было простое тёмное платье, поверх которого лежала короткая куртка. Волосы собраны небрежно, несколько прядей выбились возле висков. На вид ей было примерно столько же, сколько ему, хотя Рен пока совершенно не понимал, насколько вообще можно доверять собственным оценкам в этом мире.

— Да.

— Тогда я Лира.

Она сказала это так просто, будто знакомство было давно запланировано. Рен несколько секунд молчал.

— А если, я не Рен, то ты не Лира? Что тебе нужно от меня?

Лира улыбнулась.

— Пока ничего.

— Тогда откуда ты знаешь моё имя?

— Вчера вечером о тебе говорили.

— И?

— В маленьких городах новости распространяются быстрее, чем хотелось бы.

Рен невольно усмехнулся.

— А я думал, только интернет умеет превращать случайную историю в новость за пять минут.

Лира посмотрела на него с лёгким недоумением.

— Интернет?

Рен замолчал. Слово вырвалось совершенно автоматически. Он уже привык, что здесь его современная лексика иногда звучит нелепо.

— Ничего. Старое выражение.

— Ты часто говоришь странные вещи?

— Мне тоже кажется, что я в последнее время вообще живу странно.

Лира рассмеялась. Смех оказался неожиданно естественным. Не слишком громким, не театральным. Она чуть отвер-

нулась, прикрыв рот ладонью, а затем снова посмотрела на него. И Рен впервые за всё время почувствовал, что рядом с ним находится человек, с которым ему действительно хочется разговаривать. Он ещё не мог объяснить почему, но решил отложить вопросы, сейчас хотелось поговорить хоть с кем-то, очистить голову от всего.

• • •

Они вышли на улицу. Утренний город был совсем другим, чем вечером. Солнце только поднялось над крышами, и его свет ложился на каменные стены длинными золотыми полосами. На площади торговцы раскладывали товар, открывались лавки, из кузниц уже доносился запах угля и раскалённого металла. Лира шла рядом, иногда здороваясь с прохожими. Рен заметил, что многие знали её. Она отвечала каждому, но никогда не задерживалась надолго.

— Ты давно здесь живёшь? — спросил он.

— Достаточно.

Она посмотрела на него и улыбнулась.

Некоторое время они шли молча. Рен пытался понять, что именно в ней его настораживает и притягивает. Ничего очевидного. Она двигалась естественно, жестикулировала, иногда поправляла волосы, когда ветер бросал их на лицо. Остановливалась возле лавок, разглядывала фрукты, здоровалась с людьми. Вела себя совершенно обычно. И всё же время от времени происходили мелочи.

Лира слишком точно запоминала сказанное. Она могла

услышать название улицы один раз и через час безошибочно указать направление. Когда продавец назвал цену, она даже не задумалась, хотя Рен видел, что остальные покупатели обычно прикидывали стоимость на глаз. И ещё одна деталь. Когда они проходили мимо музыканта, игравшего на струнном инструменте, Лира остановилась.

Музыка была простой, немного печальной. Рен посмотрел на неё. Она слушала с таким выражением лица, будто пыталась вспомнить что-то очень далёкое.

— Нравится? — спросил он.

Лира не ответила сразу.

— Да.

Потом добавила:

— Я знаю эту мелодию.

— Откуда?

Она нахмурилась.

— Я же здесь живу и часто её слышу, это же очевидно.

Музыка продолжала звучать. Лира несколько секунд смотрела на музыканта, а затем пошла дальше. Рен не стал спрашивать. Он тоже поймал себя на мысли, что спросил слишком очевидное.

• • •

На рынке они купили хлеб, сыр и несколько фруктов. Лира выбрала яблоки, внимательно осмотрев каждое. Рен наблюдал за ней.

— Ты всегда так тщательно выбираешь?

— Конечно.

— Я бы просто взял первые попавшиеся.

— Поэтому ты бы взял гнилые.

Рен рассмеялся.

— Значит, я права.

— К сожалению.

Они сели на низкую каменную стену возле площади. Рен откусил яблоко и задумался.

— Можно задать тебе вопрос?

— Можно.

— Только честно.

Лира повернулась к нему.

— Постараюсь.

— Что здесь произошло с миром?

— В каком смысле?

— Вчера я видел людей, которые используют магию. Сегодня вижу город без электричества, машин и всего остального, что для меня было обычным. При этом вы разговариваете на языке, который я каким-то образом понимаю. Я не знаю ни одного человека здесь, но почему-то никто не считает странным, что я появился из леса без понятного прошлого.

Лира внимательно слушала.

— Я хочу понять, куда попал.

Она немного подумала.

— Я не знаю, откуда ты пришёл, Рен.

— А мир?

— Мир большой.

— Это я уже заметил.

— И очень старый.

— Насколько?

Лира посмотрела на него. В её лице на мгновение появилось что-то странное. Не страх. Скорее осторожность.

— Старше, чем ты думаешь.

— Это звучит как плохое начало для хорошего ответа.

Она улыбнулась.

— Тогда считай, что это хороший ответ на плохой вопрос.

Рен покачал головой.

— Ты всегда так отвечаешь?

— Только когда сама не знаю ответа.

Это прозвучало искренне. И именно поэтому Рен ей поверил.

• • •

Они долго гуляли по городу. Почему город называется древней Ран так и не понял. Лира показывала ему места, которые он уже видел вчера, но теперь всё выглядело иначе. Она рассказывала о ремесленниках, о торговцах, о соседних городах, о том, как люди используют магию в быту. Иногда она сама чего-то не знала и спокойно признавала это. Рену это нравилось. Он ожидал, что человек из этого мира будет воспринимать его как странного чужака. Но Лира относилась к нему иначе. Она не пыталась постоянно объяснять ему оче-

видное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.